

Разложение религиозного

1982

Выступление в Страсбурге в октябре 1982 года, по поводу выхода книги «Новое духовенство» («Les nouveaux clercs», Genève, Labor et fides, 1985).

Моя роль, может быть, не столько в том, чтобы сделать заключение, закрыть, поставить последнюю точку, сколько обозначить новую исходную точку. Я задам сейчас ряд вопросов, наполовину сымпровизированных, которые рискуют внести путаницу, но кажутся мне необходимыми для определения истинного основания нашей дискуссии. Мне представляется действительно необходимым поставить вопрос об определениях, с помощью которых мы рассматриваем проблему. В самом деле, не был ли предложенный сюжет отчасти неадекватным? Стоило ли говорить о новом духовенстве? Первым моим порывом было сказать, что такая терминология опасна. И, тем не менее, сама путаница в понятии, позволяющая перейти от очень узкого определения, когда понятие духовное лицо берётся в самом расхожем смысле как священнослужитель, к очень широкому и расплывчатому определению, проявила себя функционально, поскольку позволила группе самой её деятельностью создать конструкцию предмета, примерно соответствующего тому, что наблюдается в социальной реальности, то есть пространство, которое я назвал бы полем, внутри которого ведётся борьба за навязывание какого-то одного правила определения игры и козырей, необходимых, чтобы главенствовать в этой игре. Раскрыть с самого начала ставку в этой игре значило бы заставить исчезнуть вопросы, которые подняли присутствующие здесь, поскольку эти вопросы действительно встают в жизни перед медиками, психоаналитиками, социальными работниками и так далее. И серьёзно рассматривать эти вопросы, вместо того чтобы числить их уже решёнными, значит отказаться от предварительных определений игры и ставок; значит произвести совершенно радикальную перемену в сравнении, например, с Максом Вебером, предположив, что религиозное поле есть пространство, в котором агенты (а их нужно ещё определить: священник, пророк, колдун и так далее) борются за навязывание легитимного определения как религиозного в целом, так и различных способов исполнения религиозной роли.

Определение предлагаемого сюжета, содержащееся в нём в имплицитном виде, то есть неявно, действовало как принцип коллективной ангажированности в проблематику, которую мне хотелось бы сейчас попытаться раскрыть. Бессознательно универсализированное историческое определение, которое подходит только для одного исторического состояния поля — это определение веберовского типа, выдержавшее более или менее непонятным образом большинство вопросов. Оно характеризует духовное лицо, чьим идеально-типическим воплощением является католический священник, как доверенное лицо духовенства, которое в таком своём качестве защищает монополию легитимного манипулирования средствами спасения и делегирует своим членам, вне зависимости от того, имеют ли они харизму или нет, право распоряжаться священным.

Отталкиваясь от этого имплицитного определения духовного лица, мы задались вопросом: существует ли новое духовенство и тем самым новые формы борьбы за монополию исполнять легитимную компетенцию? И если мне кажется необходимым избежать позитивистской ошибки предварительных определений (что мы собственно и сделали, согласившись на расплывчатое определение нового духовенства), то потому, более конкретно, что поле религии есть поле борьбы за определение, то есть за разграничение компетенции в юридическом смысле термина, как то, что находится в ведении. Таким образом вопрос, который там ставился, через сравнение между старым духовенством, определяемым с помощью универсализации исторического случая, и новым духовенством, воспринимаемым интуитивно, возможно, на самом деле был вопросом о различии между двумя состояниями религиозного поля.

Нам описали переопределение сфер компетенции внутри поля религии, следующее из того, что сами границы между полем религии и другими полями (в частности, медициной) были изменены, и теперь не очень понятно, где кончается пространство, в котором правит духовенство (в узком смысле этого термина). Тем самым, вся логика борьбы в нём трансформировалась. Допустим, в своём противопоставлении мирянам духовенство является жертвой логики троянского коня: чтобы защититься от конкуренции нового типа, составляемой им опосредованным образом некоторыми мирянами (психоаналитиками, например), они вынуждены перехватывать оружие своего противника, подвергая себя опасности быть подведёнными к тому, чтобы применить его к себе. Однако, если священнослужители, прошедшие через психоанализ, начнут искать в нём правду духовного сана, мы не видим, каким образом они будут говорить пасторскую правду о психоанализе.

Настоящим предметом коллективного исследования, установленным здесь в связи с предметом неясным и плохо определённым, стало, как мне кажется, противопоставление двух состояний поля религии в его отношениях с другими полями и, тем самым, двух состояний границ религиозного поля: границы очень чётко очерченные, ясные, видимые (как сутана) в одном случае, или, напротив, расплывчатые, невидимые — в другом. Таким образом, сегодня можно проследить постепенный неощутимый переход от духовенства по-старому (с целым континуумом внутри него) к членам сект, психоаналитикам, психологам, врачам (психосоматическая медицина, медленная терапия), сексологам, профессорам по выразительности тела, по восточным единоборствам, консультантам по жизненным проблемам, социальным работникам. Все они составляют часть нового поля борьбы за символическое манипулирование поведением людей в их частной жизни и за направление их мировоззрения, вводя в практику конкурирующие, антагонистические определения здоровья, исцеления, лечения тела и души. Агенты, состоящие в конкуренции в поле символического манипулирования, могут сообща осуществлять символическое действие: это люди, которые стремятся манипулировать мировоззрениями (и через это изменять практики), манипулируя структурой восприятия мира (как природного, так и социального), манипулируя словами и, через них, принципами построения социальной действительности (так называемая теория Сэпира — Уорфа или Гумбольдта-Кассирера, согласно которой действительность конструируется через вербальные структуры, совершенно верна, когда речь идёт о социальном мире). Все эти люди, борющиеся за то, чтобы сказать, каким нужно видеть мир, являются профессионалами некоего вида магического действия, которое с помощью слов, способных разговаривать с телом, трогать, заставляют видеть и верить,

получая полностью реальные результаты — действия.

Таким образом, там, где было чёткое поле религии, мы имеем отныне поле религии, из которого выходят, не зная об этом, скорее, только биографически, поскольку многие духовные лица стали психоаналитиками социологами, социальными работниками и тому подобным и занимаются новыми видами лечения душ, будучи в мирском статусе и в форме, освобождённой от религиозного влияния. Наблюдается новое определение границ поля религии, растворение религиозного в более широком поле, сопровождающееся утратой монополии на лечение душ в старинном смысле, по меньшей мере на уровне буржуазной клиентуры.

В таком расширенном поле лечения душ и в размытых границах наблюдается новая конкурентная борьба между агентами нового типа — борьба за новое определение границ компетенции. Одно из свойств общего определения духовного лица по-старому содержалось в понятии лекарь душ (Cure — фр.: лечение, терапия, cure — кюре, католический священник. — Прим. пер.). Имплицитное содержание нашего представления о духовном лице в том, что, оно занимается душой, в противоположность телу (которое оставлено колдунам, целителям, а также врачам). Разрушение границы поля религии, которое я упоминал, кажется связанным с переопределением деления души и тела и соотносительного разделения труда по исцелению душ и тел — оппозиций, в которых нет ничего естественного и установленных исторически. Разрушение может быть также связано с тем, что часть буржуазной клиентуры продавцов символических услуг начала считать принадлежащими к разряду телесного те вещи, которые раньше обычно относились к разряду духовных. Может быть, было открыто, что говорить о теле — это способ говорить о душе — то, что некоторые знали уже с давних времён, — но говорить совершенно по-другому: говорить об удовольствии так, как о нём говорят психотерапевту — совсем другое дело, чем говорить о нём кюре: Когда лечение души поручено психологу или психоаналитику, из нормативного оно становится позитивным, от поиска норм оно скользит к поиску приёмов, от этики — к терапии. Новым феноменом стало появление профессионалов психосоматического лечения, которые занимаются моралью, веря в то, что занимаются наукой, то есть морализируют под прикрытием анализа. Консультанты по жизненным проблемам, о которых писал Карл-Вильгельм Дам, социальные работники, изученные Реми, и другие (медики разного рода, преподаватели гимнастики или телесной выразительности, учителя восточных видов спорта, психологи и, в особенности, психоаналитики) — масса агентов приходит конкурировать со священником по-старому на его территории, заново определяя здоровье и исцеление, границы между наукой и религией (или магией), лечением техническим и магическим (с признанием таких техник лечения, как внушение, трансферт и других видов магического овладения, более или менее преобразованных и рационализированных).

К определяемому таким образом полю, то есть самому широкому полю символического манипулирования, причастна и социальная наука. Отсюда трудность для социологов осмысливать это поле. Ведь чтобы мыслить его как таковое, нужно мыслить позицию, которую в нём занимают. И открыть, что игра, которая, в нём играет, имеет нечто двойственное и даже немного подозрительное. С одной стороны, из-за того, что поле религии оказалось растворённым в более широком поле символического манипулирования,

все это поле окрашено морализмом, и нерелигиозные люди сами часто поддаются искушению трансформировать позитивные знания в нормативные дискурсы, способные осуществить легитимированный с помощью науки вид терроризма. На самом деле проще бороться с моралью, чем с (лже) наукой о нравах, с ряженой в науку моралью.

Чтобы закончить, нужно ещё спросить себя о факторах, действующих одновременно внутри поля религии, поля символической власти и более широко — социального поля, которыми могут объясняться эти изменения. Одним из важных опосредующих моментов является распространение среднего образования и более широкий доступ, в особенности для женщин, к высшему образованию. Общее повышение уровня образования лежит в основе изменения спроса (с появлением массового спроса на виртуозную религиозность). Новые религиозные секты с сильным интеллектуальным импортом, которые расцвели, в частности, в США и о которых говорил Жак Гурвич (есть что-то от PSU в некоторых сектах и что-то сектантское в PSU или в троцкистских группировках), нужно рассматривать вместе с фактом, что определённое число людей, благодаря повышению уровня образования, получили возможность приобщиться к культурной продукции из первых рук, достичь духовного самоуправления. Отказ от делегирования, основанный на ощущении, что ты сам свой наилучший полномочный выразитель, ведёт к разного рода группировкам, являющимся скоплениями мелких харизматических пророков. Другая черта функционирования подобных сект также связана с уровнем образования — разного рода приёмы манифестации. Студенческое движение обновило арсенал приёмов протеста, не менявшихся с XIX века. Всё это предполагает значительный инкорпорированный культурный капитал, и, в более общем виде, значительная часть того, что мы описали, не может быть понята без учёта воздействия результата повышения уровня образования одновременно на производителей (например, католическое духовенство) и на потребителей. Та же причина влияет одновременно на спрос и на предложение, из чего следует соответствие спроса и предложения, которое само по себе не было предметом поиска в стратегиях соглашений (или при их посредстве), в чём состоит ещё один фундаментальный разрыв с Вебером.

Можно, конечно, видеть другой объяснительный фактор, упоминаемый Томасом Ганноном, в крушении общественного контроля, связанном с такими феноменами, как урбанизация и приватизация жизни. Это затронуло более глубоко мелкую буржуазию: замыкание на частном, сопровождающееся психологизацией жизненного опыта и рождением определённого спроса на услуги спасения нового типа, очень сильно связано с крушением общественных рамок, которые контролировали духовенство, но и поддерживали соответствующих мирян. Такие рамки делали возможной религию, которую социологи религии обозначили как народную, ту ритуальную религию, в отношении которой все говорят в один голос, что она находится на грани истощения. Традиционное лицо духовного звания сохраняет свою монополию лишь на социальный ритуал: оно стремится быть не более, чем распорядителем на социальных церемониях (похороны, венчание и тому подобное), особенно в деревнях. Этот ритуал в свою очередь интеллектуализируется: становится всё более и более вербальным, сводится к словам, а слова всё менее и менее функционируют в логике магического принуждения, как если бы действенность ритуального языка сводилась к воздействию смысла, то есть к пониманию.

В заключение, мне кажется, нужно с серьёзностью отнестись к тому, что традиционное духовное лицо включено в поле, со стороны которого оно испытывает давление, и что

структура этого поля изменилась, а тем самым и его пост. В борьбе за навязывание умения жить и видеть мир и жизнь религиозное духовное лицо из доминирующего стремится стать подчинённым духовных лиц, использующих науку, чтобы внушить истины и ценности, в отношении которых ясно, что они часто не более и не менее научны, чем истины и ценности религиозных авторитетов прошлого.

Версия #1

Зверобой создал 18 января 2026 04:09:33

Зверобой обновил 18 января 2026 04:10:31